

ИЗ ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И АФОНА В НАЧАЛЕ XIV в.

В идейно-политических битвах, развернувшихся в Византийской империи эпохи первых Палеологов, Афону довелось сыграть исключительно важную роль¹. В тот период Святая Гора оставалась практически единственным крупным провинциальным центром² византийского монашества, поскольку издревле прославленные подвигами монахов обители Египта и Палестины пребывали тогда в жалком состоянии по причине гонений³. Не удивительно поэтому, что императоры и патриархи были вынуждены оказывать святогорским монастырям постоянное внимание, полагая поддержку афонитов необходимым условием успеха любого начинания в духовной сфере. Примером может служить деятельность Михаила VIII, который, благоудетельствуя Святой Горе, рассчитывал на принятие ее монахами Лионской унии, заключенной 6 июня 1274 г., а встретив отпор, не остановился перед репрессиями, пытаясь принудить обители к одобрению этого союза⁴. Тесные связи были установлены между Афоном и центральной властью при Андронике II Палеологе, свидетельством чему являются многочисленные хрисовулы, изданные императором в подтверждение владельческих прав монастырей и с целью передачи им новых земель⁵. Особой прочности и регулярности отношения Святой Горы и столицы достигли в период, когда у руля византийской церкви стоял патриарх Афанасий I (1289—1293, 1303—1309)⁶, который с присущим ему упорством выстроил настоящий мост между Афоном и Константинополем, широко используя свои права верховного владыки для прямого вмешательства во внутренние дела монастырей и протата. Изучение характера установленных патриархом Афанасием I связей с Афоном и особенно влияния их на последующие события на Святой Горе и составляет цель настоящей статьи. Выделяем, таким образом, из сложной системы отношений Афона и столицы только одну грань: Святая Гора и центральная церковная власть в начале XIV в.

Патриархи — современники Афанасия I также вступали в контакт с афонским монашеством, однако их отношения носили совершенно иной характер. Так, за все время правления пат-

риархи Григорий II Кипрский и Иоанн XII Козьма направили на Афон только по одному письму, касавшемуся передачи афонским монастырям разных метохов (рег. № 1507, 1567). Этот вид связей был также характерен для Афанасия I, но только в период первого понтификата (1289—1293). Патриарх рассматривал в синоде вопрос о разногласиях монастырей Кутлумуша и Ксеропотама из-за метоха богоматери Архонтиссы, находящегося в Ермилии (рег. № 1549). Он вернул маленький монастырь святой Анны на Стримоне афонскому монастырю Ивируну в качестве метоха (рег. № 1559). Основные проблемы, которые пришлось решать патриарху во время первого правления, связаны с переустройством жизни столичного монашества и духовенства. Император Андроник II Палеолог долгое время находился в поездке по городам Малой Азии. Пользуясь его отсутствием в Константинополе, Афанасий I развернул бурную деятельность, которая хорошо известна по сочинению Никифора Григоры⁷. Меры патриарха в отношении монашества были следующими: он не позволял инокам «ни чревоугодия, ни того, что требует кошелька, если же некто бывал уличен в том, что имеет, то поневоле и со стыдом лишался того» (*ei de tis echon elisketo, akon kai sun aischune touton eksistato*.—Григ. 182.22—183.4). Второй важный элемент его политики—подчинение бродячих монахов и некоторых отшельников строгой дисциплине (Григ. 183.17—184.1). Григора сообщает, что тех, в коих патриарх замечал исправление, он давал в подчинение многочисленным монастырям (*frontisteriois poluanthrois ureikein*.—Григ. 184.5), а тех, которые имели неизлечимую болезнь души, либо он заточал в тюрьму, спасая их против воли, либо из города изгонял (*e tes poleos uperioriou kathista*.—Григ. 184.6—9). Подтверждение сообщениям Никифора Григоры находим в житии знаменитого афонского отшельника Максима Кавсокаливита⁸. Будучи вызван в столицу, Максим держал ответ перед императором и его окружением (Макс. 71.5—9), но из-за своей неучености встретил холодный прием (Макс. 71.9—17). Напротив, патриарх Афанасий принял его тепло, но вместе с тем начал борьбу за то, «чтобы ввести его в киновии, которые возводил и которыми владел в Константинополе». (Макс. 72.1—5). Максим же предпочитал иной образ жизни—«как бездомный бедняк», он сидел у ворот монастыря богоматери во Влахернах, отдаваясь молитве, бодрствованию и стенаниям (Макс. 72.6—13). Пример Кавсокаливита показывает, таким образом, не только стремление патриарха подчинить бродячих монахов и анахоретов правилам киновийности, но также сопротивление, которое встречали эти меры и даже безуспешность некоторых попыток.

Нет никаких оснований полагать, что деятельность по преобразованию монашества была прекращена патриархом во время второго его понтификата. Наоборот, реформа монастырей

была усилена, и объектом ее, помимо столичных, стали святогорские обители.

На рубеже XIII—XIV вв. Афону пришлось пережить трудные времена, что явилось следствием опустошительных вторжений латинских пиратов, турок и каталан⁹. В результате этих набегов ситуация на Афоне в значительной мере дестабилизировалась, что приводило к усилению миграции населения гор, создавало благоприятную почву для появления негативных тенденций в жизни монашества и открывало путь распространению еретических учений. В условиях напряженной борьбы внутри церкви¹⁰ подобное положение на Афоне вызвало вполне определенную реакцию центральной церковной власти во главе с патриархом Афанасием I, письма и проповеди которого служат источником для реконструкции системы воздействия, использовавшейся по отношению к Святой Горе. Большая часть этих документов остаются неизданными¹¹, однако содержание их известно благодаря «Регестам» В. Лорана. Письма и проповеди, адресованные монахам, игуменам и протам Афона датируются периодом второго патриархата Афанасия I (1303—1309), когда внимание его к святогорским монастырям было постоянным и действенным.

По мнению патриарха, современное ему монашество становилось на путь, который не соответствовал евангельским заповедям, апостольским идеалам и принятым канонам. Сложившийся в сознании Афанасия стереотип монашеского поведения вступил в противоречие с той объективной его моделью, которая получила распространение на рубеже XIII—XIV вв. Патриарх отводил православному иночеству очень важную роль и в соответствии с этим предъявлял к нему весьма строгие требования. Он полагал, что в практической жизни и в этических нормах монахи должны подражать Христу (рег. № 1590), а делам их и поступкам надлежит освещать всю землю (рег. № 1615). Афанасий видел в монашестве красоту церкви и венце ее славы (рег. № 1615) и даже рассматривал иноков как послов, которых христианский народ держит вблизи бога (рег. № 1618). Патриарший взгляд на иночество во многом традиционен, но расстановка акцентов в этой традиции своеобразна. Прежде всего это относится к одному из важнейших положений Афанасия относительно практики послушания, смирения и покорности, к которой он призывал монахов. Владыка указывал на то, что именно из-за непослушания был изгнан из рая первый человек (рег. № 1749). Желание повелевать, возжигавшееся в сердцах некоторых, он признавал отрицательным явлением, напоминая, что тот, кто хочет быть первым, должен быть из всех последним и всем слугою (рег. № 1615)¹². Свободную волю патриарх считал даром, который сделал бог человеческой натуре. Одни злоупотребляют им, другие пользуются им мудро и заслуживают уважения (рег. № 1659). В од-

ном из писем Афанасий учил афонитов, что добродетель прогрессирует только там, где властвуют и где подчиняются (рег. № 1657). Некоторые послания содержат прямые призывы к послушанию и покорности (рег. № 1615, 1618). Усиление именно этих черт монашеского состояния было вызвано конкретными практическими задачами, стоявшими перед патриархом, стремившимся к реформе византийского монашества. Проведение в жизнь его требований нуждалось прежде всего в полном подчинении иночества, которое приобрело в описываемую эпоху ряд негативных черт, подвергаемых Афанасием суровой критике. Критика эта также находилась на службе его реформы, выполняя изначальную функцию, от которой отталкивались многие другие положения. Бичевание православного монашества и особенно афонского, содержится во многих письмах Афанасия. I. Обращаясь к самодержцу, он пишет, что «архиереи и некоторые монахи обретаются не в чем ином, кроме как пьянках, ссорах и раздорах»¹³, они проводят дни свои во дворцах и избегают патриарха¹⁴. Афон более не почитается за святость его монахов, которыми все потеряно вплоть до охоты к отказу от собственного желания (рег. № 1657). Сами монахи являются таковыми только по стриженным волосам и цвету одежды, а нынешними трудами их являются поиск почестей, вредной власти, культ друзей и родных, независимость, добрая еда и т. д. (рег. № 1651). Для них ничего не значит не поститься в среду и пятницу или всякий иной предписанный день (рег. № 1651). Мощный комплекс обвинений, приводимых патриархом, ясно указывает основную причину появления этих негативных черт — интенсивное влияние светского общества. Оно сказывалось на всех уровнях монашеской жизни — от экономического состояния монастырей до образа бытия иноков. В письме к святогорцу Мирону патриарх выразил желание, чтобы этот монах был примером всему Афону в тот момент, когда добрая еда заменила умеренность, гордыня — смирение, распущенность тела — пот и духовные труды, чревоугодие — пост (рег. № 1619). Особенно опасна, по мнению Афанасия, свобода передвижения, которую позволяют себе монахи. Для них ничего не стоит выходить из своего монастыря и прохаживаться к своим (рег. № 1651). Кроме того, они используют разные предлоги для оставления своих обителей. Так, иноки монастыря Св. Павла, которых патриарх именует распущенными, сославшись на набеги врагов и отсутствие необходимого, частью переселились в монастырь Старый Ксеропотам, частью удалились совсем, и их видели идущими городами и посадами, встречающимися с мирскими людьми и даже с женщинами (рег. № 1640).

Обвинения, выраженные в письмах, адресованных непосредственно афонитам, гораздо более суровы и более конкретны, чем высказанные в посланиях к Андронику II. Это заставляет думать, что в них содержатся намеки, позволяющие читателям по-

нять (хотя не названы имена людей и обителей, о коих идет речь), чьи именно грехи упомянуты. Вместе с другими мерами патриарха словесные бичевания являются формой воздействия Афанасия на святогорцев.

Суровые указания на греховность — это повод для непосредственного вмешательства владыки в дела монастырей.

Монашество было традиционным объектом критики со стороны наиболее ревностных церковных деятелей, приверженцев строгой аскезы. Однако в случае с Афанасием I, также аскетом и бывшим афонитом, мы сталкиваемся не только с проявлением давней традиции. Как экуменический патриарх он располагал самыми широкими полномочиями и, что более важно, имел своего рода программу по переустройству всего византийского монашества, и Афона в частности.

Эту программу он изложил в нескольких письмах-наставлениях, адресованных афонитам, монахам монастыря Лавры и всем византийским инокам. Послания практически содержат устав, который Афанасий I стремился ввести во всех монастырях. Известно большое число такого рода типиков, которые создавались для монахов устроителями обителей, императорами и ктиторами. Долгое время эти документы являлись почти единственными регуляторами богослужения и внутреннего строя жизни в монастырях¹⁵. Для Афона первый устав был разработан императором Иоанном Цимисхием по просьбе самих святогорцев¹⁶.

Типик Цимисхия был результатом конфликта Лавры Афанасия и остальных афонитов¹⁷. Причины появления следовавшего за ним типика Мономаха также кроются в конфликтах, спорах и раздорах на Афоне¹⁸. В обоих случаях святогорцы были вынуждены посылать в столицу делегации с просьбой урегулировать их отношения. Кроме названных, в монастырях получили распространение уставы студийский и иерусалимский¹⁹, а в более позднюю эпоху (XV в.) — типик императора Мануила II Палеолога, изданный в форме хрисовула, но тем не менее причисляемый к уставам²⁰. Состояли типики обычно из двух отделов: литургического и дисциплинарного, касающихся а) церковной службы, б) монашеской жизни, в) общехристианского поведения²¹. Для типика Афанасия I в большей степени характерен интерес к дисциплинарной стороне.

Первым стремлением патриарха было пресечь возможное расслоение монахов, уравнивать в правах всех членов монастырской общины — рядовых и высших, управляемых и управляющих. Никто, даже владыка, не должен покидать ни одну из служб, совершаемых в обители (рег. № 1595). Все, владыки и подчиненные, должны есть один хлеб и пить одно вино (рег. № 1595). Более того, сам игумен должен заботиться о том, чтобы для всех была только одна еда и одно питье, равно разделенные между всеми (рег. № 1756). Игумен же должен забо-

титься о заболевшем брате (рег. № 1595). Патриархом был регламентирован и образ действия эконома — видного лица в монастырях. Он должен быть человек испытанный, средних лет и бескорыстный, не должен делать даров из имущества монастыря ни своим друзьям, ни родным, не должен уходить далеко от монастыря, чтобы бесстыдно пировать, не должен отлучаться от общего стола и не приходить к еде слишком поздно с целью заставить подавать на стол различные блюда (рег. № 1756). Заботясь о нетрудоспособных насельниках монастырей, Афанасий I запретил роптать против старцев и тех, кого владыка назначил жить на отдыхе (рег. № 1618).

Второе направление, которое прослеживается в этом своеобразном типике патриарха Афанасия I, — стремление ограничить контакты монастырей с внешним миром, замкнуть их в себе и тем самым снизить степень влияния мирских отношений на монашество. Достигалось это путем запрета перемещений иноков вне монастыря и установлением контроля за теми из братии, кто получил право выхода. Входящие и выходящие из монастыря будут находиться под наблюдением не только одного игумена, но игумена в сопровождении трех монахов из наиболее набожных. Владыка сам, как и все монахи, не выходит без необходимости (рег. № 1595, 1756). Если же имеется необходимость выйти, идут вдвоем, поскольку двое лучше, чем один (рег. № 1595). Вход в монастырь должен быть строго охраняем привратником набожным и верным (рег. № 1795). В обитель запрещается впускать женщин, и даже игумен должен избегать поддержания отношений с кем-либо вне монастыря (рег. № 1595). При этом ссылка на угрозу варварских нашествий не считалась патриархом уважительной причиной для перемещения монахов²² (рег. № 1657).

Афанасий I стремился также оградить монастыри и Святую Гору от людей случайных, не прошедших испытания (рег. № 1618). Он требует удалять от священства тех, кто постригает лиц, не прошедших достаточной духовной подготовки (рег. № 1590). Принявшим постриг на Афоне особо запрещено ходить куда-либо по своей воле (рег. № 1590). Вместе с тем монах, некогда сбежавший, но затем раскаявшийся и пожелавший вернуться в обитель, должен быть любовно принят, правда, с назначением ему покаяния (рег. № 1618).

Запреты, ограничивающие передвижения монахов и их контакты с мирянами, примыкают к тем положениям патриарших наставлений, которые касаются непосредственно образа жизни иноков, их нравов, стиля поведения. Суть сентенций можно выразить в трех словах: молитва, бедность, аскеза. Эти, казалось бы, традиционные монашеские добродетели должны были воплотиться, по мнению Афанасия I, в крайних формах выражения.

Недаром патриарх считается одним из учителей Григория

Паламы и одним из отцов психотехнической молитвы²³. Во время всех служб, отправляемых в обители, инокам запрещалось опираться на стену, разговаривать, облегчать ноги (рег. № 1595). Каждый должен заниматься делами, соответствующими его должности, особенно стараясь в молитве и труде; если же он допускает небрежение, то его надлежит сместить (рег. № 1756). Монахам запрещалось чем-либо владеть в монастыре и присваивать то, что составляло имущество обители (рег. № 1595). Особое внимание уделялось воздержанию и умеренности в еде. Афанасий I приводит интересное сравнение: «Воины царей этого мира сражаются только хорошо напившись. Воины же христовы побеждают их невидимых врагов постом и воздержанием» (рег. № 1615). Потому категорически запрещено ради обжорства прерывать пост в предписанные дни: понедельник, среду, пятницу (рег. № 1595). Более того, патриарх ввел правило, призывающее монахов есть только один раз в сутки в течение пяти дней недели (дни, для которых пост не являлся правилом — рег. № 1651). Сэкономленное благодаря этой единой еде должно быть распределено несчастным, которые сражены голодом (рег. № 1651). Афанасий убежден, что бог, пораженный такими жертвами иноков, избавит народ от атак безбожников (рег. № 1651). Важнейшие черты, которыми должны отличаться иноки — безусловное послушание и смирение. Желание их жить под подчинением должно быть таково, что они не должны даже чувствовать себя вправе глотать без разрешения каплю воды (рег. № 1657). Послушанием братья обязаны своему пастырю как истинные овцы христовы (рег. № 1617).

Столь строгая регламентация монашеской жизни служила тому, чтобы направить иноков по пути подражания лучшим образцам христианских подвижников древности, ввести аскезу в повседневную практику и на деле осуществить апостольские и евангельские заповеди. Вместе с тем, и это не менее важно, патриарх стремился вывести обители из того упадка, в котором они, по его мнению, находились (рег. № 1658).

Письма и проповеди Афанасия I дают массу свидетельств касательно теснейшего контакта, установленного патриархом со Св. Горой. Часто он благодарит монахов за присланные ему письма, хотя несут они в себе много огорчительного (рег. № 1617), или негодует на то, что ему вовремя не сообщили письмом о смерти прота (рег. № 1657). В одной из проповедей приведены имена некоторых корреспондентов патриарха: ему писали кафигумен Максим, иеромонах Малахий, владыка Кирилл, иеромонах и духовник Марк, владыка Мирон, иеромонах и духовник Яков, иеромонах Герасим и другие члены общины (рег. № 1651, 1780). К нему обращалась с просьбой о новом игумене Великая Лавра (рег. № 1756). Писал патриарху и прот Афона (рег. № 1602). Очевидно, Афанасий I был прекрасно

осведомлен о положении на Афоне, а это значит, что он имеет там много сторонников. Тем сильнее было его желание подчинить все святогорские монастыри своему влиянию. Вмешательство патриарха во внутренние дела Афона было постоянным и решительным. Он утверждает во главе крупнейшего монастыря Лавры своих бывших учеников²⁴, направляет туда же для прекращения беспорядков Афанасия Метаксопула (рег. № 1659), шлет письмо-устав, который должен был читаться во всех монастырях 15 числа каждого месяца и возлагает ответственность за это на игуменов, должных довести его содержание до тех, кто не умеет читать (рег. № 1595). Игумены же должны претворять на практике то, что патриарх повелел в своих писаниях (рег. № 1595). Афанасий направил гневные письма лавриотам, возмущаясь тем, что они выступали против игумена, которого сами избрали (рег. № 1615, 1617), и обещал вместе с ними по пришествии их в Константинополь исследовать это дело (рег. № 1617). Глава Афона — прот также получал от патриарха указания. В одном из писем проту ставилось главной задачей возвращение Св. Горе, при участии глав больших и средних монастырей, неприступности от волков, т. е. раскольников (рег. № 1590). В другом послании игумену Лавры и проту предписывалось следить за строгим соблюдением канонов и монашеских правил, чтобы и тот и другой спасли то, что буря жизни колеблет (рег. № 1658). Еще в одном письме патриарх обязал прота не принимать на Афоне тех, которые не боятся бога, так как их объединение с монахами вредно²⁵ (рег. № 1602). Специальное послание было адресовано Афанасием I святогорцам, когда они проявили пренебрежение к новому проту, назначенному императором (рег. № 1657). В этом письме содержится критика святогорцев за стремление жить не подчиняясь кому-либо.

Значение вопроса о послушании и подчинении монахов уже рассматривалось в начале этой статьи. Здесь же следует заметить, что претворение его в жизнь обрело вполне конкретную форму. Обеспечить приведение иноков к покорности и осуществлять контроль за ними должна была линия патриарха — прот — игумены, где два последних звена должны были быть проводниками политики высшего владыки. Однако не только на директивное руководство по направлению сверху вниз рассчитывал Афанасий. Он предполагал и некоторую обратную связь, исходящую от массы рядовых монахов. Патриарх писал, что те иноки, «которые боятся господа», должны информировать екуменического владыку о невыполнении его указов (рег. № 1595).

Конечной целью реформы византийского монашества было превращение его в сильную моноклассную социальную группу и выведение иночества на главенствующие позиции в церкви. Патриарх искал, и не без успеха, в монашестве опору для своих действий по переустройству церкви. Он стремился заменить

всех должностных лиц в церковной иерархии монахами²⁶, ставил, как уже отмечалось, во главе монастыря Лавры игуменов из числа своих учеников. Функционеры из монахов по приказу патриарха конфисковали денежные средства монастырей как греховную материю²⁷. Один из агентов Афанасия, монах Савва, своими притеснениями и грубостью вызвал жалобы епископов (рег. № 1551). В столице патриарха поддерживали иноки монастыря Ксеролоф²⁸. Владыка вел борьбу за константинопольские обители с патриархом антиохийским²⁹ и патриархом александрийским³⁰.

Однако многие действия патриарха вызвали серьезную оппозицию среди монашества. А.-М. Толбот полагает, что Афанасий стал непопулярен из-за суровой аскетической дисциплины, которую он вводил в монастырях³¹. Д. Константелос считает, что патриарху не доверяли наиболее светски настроенные монахи³². Сведения, приводимые Никифором Григорой и Георгием Пахимером, позволяют выделить прослойку монашества, которая прежде всего оказывала сопротивление. Если, говоря о периоде первого патриархата Афанасия, Григора смог сказать, что отречение его было вызвано возмущением всех архиереев, монахов (столичных несомненно.— Н. Б.) и мирян (Григ. р. 191. 3—7), то в отношении второго правления он не обобщает столь широко, выделяя из среды монахов особую группу возмущившихся — настоятелей монастырей (Григ. р. 215.15—19). Георгий Пахимер, перечисляя лиц, твердо решивших отделиться от Афанасия, упоминает ту же категорию (*ton en monachois dokounton tines*)³³. Таким образом, именно верхушка монашества была недовольна мерами патриарха и направляла, вероятно, усилия оппозиции из среды своих подчиненных. Кроме того, к неприятельскому лагерю относились арсениды, часть которых составляли монахи³⁴.

Борьба оппозиционеров снижала эффективность политики патриарха, а иногда сводила на нет его усилия, тем не менее переписка Афанасия позволяет заключить, что его наставления, указания и запреты не были словами, брошенными на ветер. Отвечая духовным отцам Афона, Афанасий I благодарит их и хвалит за соблюдение законов и канонов. Более того, им удалось вернуть на правый путь бежавшего монаха Мефодия, что не могло оставить патриарха равнодушным (рег. № 1780).

Деятельность Афанасия I, направленная на установление строгого контроля за Афоном и подчинение его центральной церковной власти, послужила в некоторых своих элементах основой политики, проводимой по отношению к Св. Горе последующими патриархами. Особо это относится к реформе, осуществленной в ноябре 1312 г. императором Андроником II Палеологом и патриархом Нифоном и состоявшей в передаче права конфирмации прота от императора патриарху. Суть преобразования была выражена в двух документах: императорском

хрисовуле и патриаршей сигиллиодной грамоте. Указ Андроника II осуждал святогорцев за то, что «они примешали к своей свободе нечто недолжное. Ибо сговорились и постановили: быть между ними проту так, чтобы они сами избирали и поставляли его на первенство и были бы судимы и управляемы им духовно, а сам бы он управлял и распоряжался своелично, и даже не получал бы благословения на то ни от святейшего императора, ни от другого какого-либо архиерея, как бы тому надлежало быть по церковному уставу» (пер. П. Успенского)³⁵. Нифон также главной причиной реформы выставляет желание монахов пользоваться полной свободой, считая это серьезным недостатком³⁶. Прот должен находиться под властью церкви, чтобы получать от нее благодать, которую он передает игуменам, подчиненным ему³⁷. Оба документа извещают, что в дальнейшем прот будет получать конфирмацию от патриарха³⁸.

Сигиллий содержит еще несколько положений, утверждающих, что все афонские свободы остаются в силе; никакой экзарх, патриарший или епископский, не будет иметь права вступать на Афон, чтобы осведомляться о духовных делах, имя патриарха будет упоминаться на литургии только в ставропигиальных монастырях, в остальных упоминается имя епископа (город Иериссо), что соответствует канонам; привилегии, данные хрисовулами, будут подтверждены³⁹. П. Успенский отмечает еще, что Нифон благословил прота Св. Горы надевать на себя набедренник и палицу в часы богослужения, чего прежде не бывало на Афоне⁴⁰. Знаки эти даются в награду иереям или протоиереям и служат необходимой принадлежностью облачения архиереев и архимандритов. Набедренник и палица обозначают слово божие, которым должны быть вооружены духовные лица для борьбы с неверием и нечестием.

Все проблемы, затронутые в хрисовуле и сигиллии, поднимались еще во времена Афанасия I. В уже упоминавшемся письме к святогорцам патриарх укорял монахов за то, что они вовремя не известили церковь о смерти прота и, пользуясь этим, жили никому не подчиняясь (рег. № 1657). Кроме того, некоторые из афонских иерархов стремились приобрести независимость от епископа города Иериссо, ссылаясь на то, что руководимая им церковь бедна (рег. № 1657). В этом же послании Афанасий I выдвигает положение о необходимости для прота не только получить посох от императора, но и благословение от патриарха, либо митрополита Фессалоники, либо епископа города Иериссо. С одной стороны, борьба вокруг свободы и подчинения афонских монахов относится к сфере мировоззрения, поскольку безвластие мыслилось в Византии отнюдь не как благо⁴¹. Вместе с тем борьба эта перешагивает рамки мировоззрения и окунается в омут политических страстей. В самом деле, стремление святогорских монастырей к независимости отражает тенденцию, характерную для всей византийской церкви на ру-

беже XIII—XIV вв. Речь идет о децентрализации и попытках ослабить центральную церковную власть, что было выгодно крупным монастырям, издавна стремившимся к самовластию, основой чего была все усиливающаяся экономическая мощь обителей. Афанасий I решительно пресекал автокефальные устремления епископов и сходные попытки монастырей. Реформируя монашество, он последовательно добивался превращения его в истинное воинство, которое смог бы повести в бой за глубокую реформу церкви и всего общества. С этих позиций пытался решить Афанасий I проблемы, стоявшие перед Афоном в начале XIV в., в том числе и вопрос о конфирмации прота⁴². Хотя некоторые проекты патриарха не были осуществлены из-за сильного сопротивления светской и церковной оппозиции, значение их весьма велико. То, что было претворено Афанасием I в жизнь, подготовило реформу 1312 г., которая является, главным образом, его заслугой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиографию трудов об Афоне см.: **Doens I.** *Bibliographie de la Sainte Montagne de l'Athos.*—Le Millenaire de l'Athos. Chevetogne-Venezia, 1965, v. 2, p. 336—495.

² Провинциальным центром Афон следует назвать для того, чтобы отделить святогорское монашество от столичного, имевшего по сравнению с ним некоторые особенности.

³ **Соколов И. И.** Состояние монашества в византийской церкви с пол. IX до начала XIII вв. (842—1204). Казань, 1892, с. 265, 310; **Hussey J.** *Byzantine Monasticism.*—Hystory, 1939, t. 24, p. 59.

⁴ **Живожинович М.** Света Гора и Лионска унија.—ЗРВИ, 1978, т. 18, с. 143—144, 148.

⁵ Перечень хрисовулов, изданных в это время см.: **Успенский П.** Восток христианский. Афон. Афон монашеский. СПб., 1892, т. 3. отд. 2, с. 127—139. Например, только за 5 лет (1287—1292) монастырь Филофей получил 3 хрисовула. (См.: **Regel W., Kurtz E., Korablev B.** *Actes de Philothee.*—ВВ. СПб., 1913, т. 20, прил. № 1, с. 10). Постоянно получал их Хиландарь. (**Petit L., Korablev B.** *Actes de Chilandar.*—ВВ. СПб., 1911, т. 17, прил. № 1).

⁶ Из новейшей литературы о патриархе см.: **Talbot A.-M.** *The patriarch Athanasius (1289—1293, 1303—1309) and the Church.*—DOP, 1973, t. 27, p. 13—29; **Constantelos D. J.** *Life and social welfare activit of Patriarch Athanasios I(1289—1293, 1303—1309) of Constantinople.*—Theologia, 1975, t. 41, p. 611—625. (Ссылки на отдельный оттиск—Athens, 1975, p. 5—22); **Барабанов Н. Д.** Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII—XIV вв.—АДСВ. Свердловск, 1978, вып. 15, с. 52—59; **Барабанов Н. Д.** Социальная терминология в переписке Афанасия I.—В сб.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, с. 38—45; **Boojamraj L.** *Athanasios of Constantinople: a Study of Byzantine Reactions to Latin Religious Infiltration.*—Church History, 1979, March, v. 48, № 1, p. 27—48. В настоящей статье преимущественно использованы данные из писем патриарха, приведенные в работе: **Laurent V.** *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople.* P., 1971, v. 1, fasc. IV. (Далее—пер.).

⁷ **Nicephori Gregorae Byzantina Historia,** cura L. Schopeni. Bonnae Impensis ed Weberi, 1829—1830, v. 1, 2. (Далее ссылки на первый том.—Григ.).

⁸ **Halkin F.** *Deux vies de S. Maxime le Kausokalybe ermite au Mont*

Athos (XIV s.).— *Analecta Bollandiana*, 1936, t. 54, p. 42—65. (Далее.— Макс.).

⁹ Успенский П. Восток христианский..., с. 116—118.

¹⁰ О борьбе внутри византийской церкви в этот период см.: Троицкий И. Арсений, патриарх Никеи и Константинополя, и арсениты. СПб., 1873; Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до пол. XV вв. СПб., 1902, с. 236—257.

¹¹ А.-М. Толбот издал только 114 писем, обращенных к императору, членам его семьи и официальным лицам: The correspondence of Athanasius I patriarch of Constantinople. Letters to the emperor Andronicus II, members of the imperial family and officials. An edition, translation and commentary by A.-M. Talbot. Washington, 1975.

¹² Евангелие от Марка. 9, 35.

¹³ The correspondence of Athanasius I..., ep. 16. 2—4.

¹⁴ Ibid., ep. 2. 26—30.

¹⁵ Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Киев, 1895, т. I, с. XI.

¹⁶ Успенский П. Восток христианский. История Афона. Киев. 1877, т. 3, отд. 1, с. 78.

¹⁷ Papachryssanthou D. Actes du Protaton. Paris, 1975, p. 95.

¹⁸ Ibid., p. 102.

¹⁹ Мансчетов И. Д. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885, с. 223—224.

²⁰ Papachryssanthou D. Actes du Protaton..., p. 107.

²¹ Мансчетов И. Д. Церковный устав..., с. III.

²² Cod. Vat. Gr., 2219, fol. 246. 21.

²³ Meyendorff J. Introduction a l'etude de Gregoire Palamas. Paris, 1959, p. 34.

²⁴ Laurent V. La chronologie des higoumenes de la grande Laure athonite de 1283 a 1309.— *REB*, 1970, t. 28, p. 102.

²⁵ Cod. Vat. Gr., 2219, fol. 246. 28—29.

²⁶ Лебедев А. П. Исторические очерки..., с. 249.

²⁷ Meyendorff J. Introduction a l'etude..., p. 249.

²⁸ Talbot A.-M. The patriarche Athanasius..., p. 28.

²⁹ Laurent V. Le patriarche d'Antioche Cyrille II (29 juin 1287 — c. 1308).— *Analecta Bollandiana*, 1950, t. 68, p. 310—317.

³⁰ Порфирий (Успенский). Александрийская патриархия. СПб., 1898, с. XIII—XIV.; Faillet A. Le sejour d'Athanasie II d'Alexandrie a Constantinople.— *REB*, 1977, t. 35, p. 43—71.

³¹ Talbot A.-M. The patriarch Athanasius..., p. 26.

³² Constantelos D. I. Life and social welfare... Athens, 1975, p. 21.

³³ Pachymeres G. De Michaelis et Andronico Palaeologis libri XIII.— *Prec. Imm. Bekkerus. Bonnae*, 1835, t. 2, p. 384. 8—10.

³⁴ Talbot A.-M. The patriarch Athanasius..., p. 20—21.

³⁵ Успенский П. Восток христианский..., т. 3, отд. 2, с. 142.

³⁶ Papachryssanthou D. Actes du Protaton..., № 11, p. 73—79, 86, 92—93.

³⁷ Ibid, № 11, p. 130—138.

³⁸ Успенский П. Восток христианский..., т. 3, отд. 2, с. 143—144; Papachryssanthou D. Actes du Protaton..., № 11, p. 130—138.

³⁹ Papachryssanthou D. Actes du Protaton..., № 11, p. 138—155.

⁴⁰ Успенский П. Восток христианский..., т. 3, отд. 2, с. 162.

⁴¹ Эта мысль была высказана в рецензии на книгу Д. Папахрисанфу — ВВ, 1978, т. 39, с. 262. Однако авторы недооценили вклад политической борьбы в появление сигиллия.

⁴² Исследователи, обращавшиеся к реформе 1312 г., обычно не уделяли внимания ее истокам. (См. напр.: Meyer Ph. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894, S. 54). Лишь Д. Папахрисанфу отметила, что патриарх Афанасий I «много трудился для этой реформы». (Papachryssanthou D. Actes du Protaton..., p. 126).